

Наталья Васильевна Щерба Селестина

Волшебная серия –

предоставлено правообладателем <http://litres.ru>

Наталья Щерба Селестина

Плавню взмахивая тяжёлыми крыльями, гигантские совы облетают самую высокую башню полуразрушенного замка. Её тонкий шпиль хорошо виден на фоне ярко-жёлтой луны. Хоровод из сов то разлетается на некоторое расстояние, то вновь сжимает чёрное кольцо, но движение по кругу неумолимо продолжается, словно бег стрелок на циферблате старинных часов, что в холле отцовского замка.

Собрание началось.

Но Селестина не спешила. Завидев сов, она приземлилась на верхушку сосны, росшую недалеко от старого замка. Покачалась на ветвях, полюбовалась луной. Мелькнула шальная мысль не прийти на семейное собрание, но нет – проклянут на несколько веков.

Убежать? Найдут.

Не выпустят более...

Вздыхнув, Селестина обернулась летучей мышью – как положено по уставу, и полетела по направлению к родовой обители.

Тень от высоких и узких проёмов окон падает на мозаичный пол: третий росчерк луны – место для Селестины.

Семья встречает её появление неодобрительным гулом: никто не любит опоздавших. И теперь внимание всех приковано к ней, к единственной и любимой дочери.

К дочери, у которой есть сюрприз для всех.

Ну что ж, так даже лучше.

Старый Йозеф, развалившись в кресле с золотыми подлокотниками, что в самом центре залы, окидывает Селестину внимательным взглядом: выжидает и предчувствует; не зная причины, заранее обдумывает ответный ход.

– Отец, я хочу выйти замуж. Уйти.

Тихо. Даже слышно, как шуршат под полом крысы.

И звенит эхо из пяти слов, всё ещё кружась под потолком.

Молчаливые взрывы несказанных слов. Фейерверк недружелюбных мыслей...

Ну и к чёрту.

Селестина, как и предполагала, оказалась под прицелом негодующих взглядов: отец, рядом – мама, тихая бледная тень, и братья – каждый на своём месте, а за ними – их жёны и старшие дети; все они смотрят на неё и осуждают.

Конечно, Селестина волновалась. Очень, очень волновалась. Старый Йозеф весьма дорожил знаменитой фамилией, древним родом, происхождением и колоссальным семейным состоянием. Земли, земли и земли, счета в банках, недвижимость и фонды. Не говоря уже о тайной сокровищнице, вход в которую начинался прямо с погреба под этой залой... Селестина была там всего раз, в прошлом году, на шестнадцатилетие, и увиденные горы золота, серебра и драгоценных камней в старых чёрных сундуках до сих пор всплывали в памяти сладко и пугающе одновременно. Где богатство, там и власть, а отец был очень богат.

Но ей, девушке с необычными синими, сливового оттенка глазами, хочется другой жизни. Селестине не хочется скрываться. Она желает просто жить, любясь луной, пить шоколад с любимым где-нибудь на веранде, а не мчаться летучей мышью в серебре ночи,

боясь не успеть на собрание в отцовском замке, лишь издали кажущемся грудой развалин.

Ей неуютно здесь, среди своих. Глотнув простой и свободной студенческой жизни в столице, Селестина чувствовала, что всё более страшится мрачных и странных родовых обрядов, своей пугающей оборотной способности. Она боится стать такой же, как мама – бледной и робкой; или такой, как жёны братьев, готовые впиться друг другу в горло за спинами своих мужей. В отцовском замке Селестина задыхается, словно в душном страшном подземелье, где вокруг одни крысы, одни крысы...

– И кто же он? – насмешливо спрашивает отец, нарушая всеобщее молчание, и Селестина вдруг понимает, как же на самом деле она ненавидит их. Свою собственную семью.

Боится и ненавидит.

Вот за то, что боится, пожалуй, и ненавидит.

Эти отвратительные собрания при полной луне, кольцо чёрных сов возле главной башни и пронзительный взгляд отца – старого вожака Йозефа.

– Он знает, кто ты?

– Да, отец. Он знает, что я умею летать и оборачиваться мышью.

– И он, конечно, принимает это?

Селестина ответила не сразу.

Нет, её возлюбленный ничего не знает – никогда она ему об этом не расскажет! И отец всё прекрасно понимает.

– Он состоятелен? Богат? Какая-нибудь важная персона? – продолжал спрашивать отец. Да, всё он прочитал на её побледневшем лице, заметил дрожащие тонкие руки, и теперь дочери казалось, что он измывается, просто тянет время, смакуя каждое слово, звучащее обидной насмешкой.

И Селестина решила.

– Это неважно, отец, – твёрдо произнесла она. – Я люблю его и хочу за него замуж. Хочу уйти отсюда и жить вместе с его семьёй.

И тогда будто прорвалась старая плотина, уставшая сдерживать мутный речной поток: на Селестину обрушилась лавина из ругани и негодования. Каждый нашёл для неё оскорбительное слово: особенно кричали и злобились женщины, и было непонятно, высказывают ли они собственные обиды или это говорит давняя зависть к вседозволенной свободе единственной младшей дочери?

Взмахом руки отец прекратил безобразие. Да, все боялись его и уважали...

– Как моя единственная дочь... – спокойно начал отец, и Селестина вдруг поняла, что пропала, совсем пропала, абсолютно. – Ты выйдешь за того, кого я выберу. За кого-нибудь из семьи. Не за чужака.

Из семьи: это за двоюродного братца Николая, лысого, но с бородой, который уже второй год, когда видел Селестину, нахально подмигивал и скалился так, что сразу же хотелось заехать по ненавистной роже.

– Я хочу поговорить с тобой после ужина, – произнёс отец и, подняв бокал, обратился ко всем:

– За кровь, за дело, за семью!

Все, как один, торжественно повторили дурацкий тост, считавшейся девизом семьи, и осушили бокалы до дна. Пить вино после «подлунного» собрания – одна из наиболее важных семейных традиций. Селестину тошнило всю ночь после этого вина, но отец требовал неукоснительного исполнения: каждое полнолуние вся семья собиралась за столом в отцовском доме, чтобы услышать этот тост и выпить свою порцию в хрустальном бокале, с ножкой из инкрустированного рубинами серебра, из великолепного фамильного набора.

Наверное, таким образом отец пытался ещё больше укрепить семейные отношения и, в общем-то, ему это отлично удавалось: в семье был полный порядок.

Вино являлось фамильной гордостью. Древнее, специальной выдержки, отливающее на

свет багровым, тягучее и терпкое – из старого семейного погреба. Каждый год отец пополнял запасы: вино делалось по старинному рецепту, и никто чужой, «не из семьи» никогда не пробовал его. Была история, что кто-то из слуг решился отпить хозяйского напитка и сразу же умер на месте в тяжёлых мучениях. Скорей всего, провинившегося просто убили за воровство, но легенда должна быть красивой.

Разговор произошёл тут же, в главной зале, когда все уже разошлись по комнатам.

Последней выходила мама. Кажется, она переживала за неё, но, как всегда, не промолвила и слова. Тихая, бледная тень... Магия тяжёлого отцовского взгляда распространялась на всех, кто с ним общался, на маму же, вероятно, она оказывала убийственное влияние.

Кроме Селестины и отца, по молчаливому приказу последнего, остался самый старший брат – Эрик.

– Селестина, – награждая привычным тяжёлым взглядом, обратился к ней отец, – ты самая младшая в семье, я опекал тебя больше всех. Возможно, это и оказалось губительным для тебя, ты излишне своенравна и дерзка. И думаю, не надо было посылать тебя учиться в столицу... Но теперь поздно. Пришло время кое-кому услышать, что девушки в нашей семье не имеют особого права выбора.

Селестина упрямо мотнула головой, желая возразить, но отец предостерегающе поднял палец и молвил:

– Ты не сможешь родить ребёнка от... чужака, которого ты выбрала... – слова его, вылетая со рта, падали тяжело и гулко, словно камни с горной кручи. – Наша семья связана закланием крови.

Стало так тихо, что Селестина услышала, как кто-то шуршит под дверью. Наверняка, подслушивают. В большой семье трудно хоть что-нибудь утаить.

– Заклятие крови? – глухо переспросила Селестина.

– Заклятие крови, – медленно повторил отец, наслаждаясь моментом. – Мы – избранные...

– Избранные?

– Нам нужна кровь, – неожиданно вмешался старший брат. – Людская кровь. Мы пьём её в суррогатном виде, каждое полнолуние после ужина, чтобы подавить инстинкт.

– Не понимаю...

– Мы не можем связываться с теми, кто вне семьи, над кем не довлеет семейное заклание, – тускло сказал отец и его чёрные глаза под тяжёлыми веками сверкнули в полутьме призрачного электрического света, – если ты выйдешь за чужого, твой ребёнок возьмёт его кровь. Он будет не таким, как мы. Он будет, как все. Поэтому, мы заключаем браки только и только между собой.

– Мы что, вампиры? – спросила Селестина и вдруг, не сдержавшись, по-детски всхлипнула.

– Вампиры, – пренебрежительно скривился отец, – нет. Мы просто другие. Не такие, как все. Избранные.

– Но я никогда не пила кровь! – Селестина опять всхлипнула. – При чём тут какое-то закланье?

– Каждое полнолуние ты оборачиваешься мышью, – старший брат хмыкнул. – Неужели ты думаешь, что такой дар даётся просто так? Всегда нужно что-то отдавать взамен.

– Чем большим владеешь, тем большим надо жертвовать, чтобы сохранить то, что имеешь, – поддержал отец.

– Но таким способом?!

– Где нужен результат, там средства не важны, – сказал Эрик.

Крысы.

– Так может, это мы – чужаки? – не сдержалась Селестина. – Мы пьём... Вы пьёте людскую кровь!

Отец не ответил. Брат за его спиной хранил гробовое молчание.

– Мне кажется, ты уже давно поняла, что я выбрал Николая тебе в мужа, – продолжил отец. – Через год, когда тебе исполнится восемнадцать, он сделает предложение.

– Я люблю другого, – настойчиво сказала Селестина, тем не менее, холодея от ужаса. Ей вдруг показалось, что она, ступенька за ступенькой, сходит в тёмное, мрачное подzemелье. Всё дальше и дальше... Никто и никогда не решался перечесть отцу.

– У тебя нет выбора, – устало сказал Эрик. – Как нет выбора ни у кого из нас. Мы – в семье. Мы пьём кровь. Если мы перестанем пить её – мы умрём.

Старший брат всегда говорил так: короткими, точными, словно выстрелы фразами, но до предельного просто и понятно.

– Так значит, это вино... – Селестина споткнулась на слове, не зная, как поаккуратнее выразить мысль, – а откуда оно, то есть...

Но брат, конечно же, понял её.

– Ты становишься всё смышленнее, – сказал он. – Каждое полнолуние один из нас отправляется на охоту. Одна-две жертвы обеспечивают всю семью напитком на целый месяц.

– Но это ужасно!

– Мы контролируем ситуацию, – сказал отец. – Одна охота в месяц. По очереди. Этого хватает.

– Но я не хочу пить кровь! – воскликнула Селестина.

– Вино, – тихо отозвался Эрик. – Ты пьёшь вино. Женщинам этого достаточно. Мужчинам же нужна охота. Преследование. Горячая кровь. Жертвы.

– Но, – Селестина опять сбилась, – но я люблю...

– Нет, – резко произнёс отец. – Если мы начнём выходить за пределы семьи – мы исчезнем. Будет рождаться простое потомство, без дара...

– Разве это дар?! – наверное, в её сливовых глазах полыхнуло что-то вроде отвращения, ибо отец с братом разом вскинули головы. Глаза отца превратились в ледяные щёлки.

– Всю неделю приказываю не покидать пределы замка – совы получают повеление. А в следующее полнолуние объявим о твоей помолвке с Николаем.

...Время пролетело, как утренний сон: неясно, отрывочно, без мыслей. Кажется, она много плакала. Бесцельно шаталась по замку, помогала матери по хозяйству. Мама жалела её, тихо просила принять, как должное, и даже доверила протирать бутылки из фамильного погреба. Те самые бутылки, полные чьих-то нечеловеческих страданий, дикого страха, предсмертного ужаса. Селестине казалось, что из глубины тёмного стекла на неё смотрят перекошенные болью лица: укоризненно, осуждающе, с ненавистью...

Наступило полнолуние. Близился вечер. Но Селестина знала, что делать. Это мысль беспокойно вертелась в мозгу, удобно устраиваясь, набухала и зрела, словно мутный и болезненный нарыв, готовый лопнуть.

Приехал Николай со своей семьёй. Другие гости. Много гостей, пьющих человеческую кровь.

Как же она их ненавидит!

Выродки...

Крысы.

Селестина не встречала гостей. Она была в погребе. Её руки быстро и точно откупоривали бутылки, одну за другой, пальцы сыпали в каждое узкое горлышко щепотку белого порошка. Порошка, который так хорошо помогает избавляться от крыс.

Простой крысиный яд. Для крыс, от крыс...

Ей хватило всего лишь часа – жиденького отрезка времени, чтобы управиться с этим.

Она прислушивалась к своему сердцу, но оно молчало.

Сильно ли переживает человек, сыплющий яд у входа в крысиные норки?

Нет. Он знает, что делает правильно.

... Тускло мерцает лампа на столе. Слуги тихо звенят посудой, сервируя праздничный стол.

Отец сидит у пылающего камина и курит. Эрик и младший из семьи, Ноель, почтительно стоят позади кресла.

– Селестина так и не прижилась в семье, – говорит отец. – Я сразу почувствовал подвох, когда она, будучи совсем ребёнком, отказывалась пить чистую, тёплую кровь... ещё горячую. От такой никто не откажется.

Глаза братьев в полутьме алчно блеснули в знак согласия.

– Она – не такая, как мы, – тускло и как-то надтреснуто произнёс отец. – Она – чужая.

– Чужая, – отозвались, как эхо, братья.

– У неё будет ребёнок, – произнёс старший брат. – Я ходил к оракулу в одинокую башню – он видел... Будет, если не помешать.

– Эрик, ты знаешь что делать.

– В бокал? – лишь спросил он.

– Да, в бокал, – сухо подтвердил отец. – Это будет показательно для других... Для всей семьи. Ещё одна, красивая фамильная легенда... Я знаю, что делаю правильно.

– Правильно, – тихо подтвердили братья.

...Жидкость в бутылке мрачно плескалась в руках у слуги, она веселилась и пела в предвкушении, радостно скалясь навстречу будущему. Навстречу мести.

Гости расселись за столом, сервированным изящной серебряной посудой, праздничными свечами, изысканными разноцветными букетами, хрустальными фамильными бокалами...

Вечер обещал быть интересным, и гости волновались.

Все волновались.

Волновались и ждали.